

затяжные прыжки с парашютом и В день авиации—18 августа горю
сбрасывание грузов, будет художественно иллюминирован.

Завтра день авиации

Простой рассказ о великом подвиге

Доклад тов. ВОДОПЬЯНОВА на собрании трудящихся г. Липецка *)

УДАРНИКИ ЗАКАВКАЗСКОЙ АВИАЦИИ. Сверху вниз: АНДРОНИКОВ, КОРОЛЕВА — комсомолка — авиотехник, МАНЦЕВ — бортмеханик.

Товарищи летчики, летчики — авиационники, радисты, мотористы и бортмеханики, которые участвовали в спасении челюскинцев, получили мне передать вам пролетарский братский привет! (Бурные аплодисменты, крики «ура»).

Товарищи, многим из нас известно, что в прошлом году при сумасшедшем перелете и потерей авиарию над Байкалом. Но наш брат — рабочий, если что значит делать — не отступая. После «капитального ремонта» (а ремонт, как видите, был хороший) я решил во что бы то ни стало повторить этот перелет. Я попросил командование дать мне самолет, который я подготовлю для тяжелых зимних полетов.

Предложение мое было принято. Самолет мне выдали и я приступил к его оборудованию. Но авиационники заботились о моем здоровье, узнали, что мне дали самолет и кто-то им сказал, что я готовлю перелет. Они меня сразу же арестовали (смех). Врачебная комиссия постановила — отпустить меня в санаторий на 2 недели.

Через 7 дней врач написал заключение и дал мне пакет. И я свою собственную судьбу, запечатанную в конверте, поспею своему врачу. Прихожу к начальнику санитарной части. Тот вскрыл конверт и бумажки прыгнул от меня. Потом вынул у него упаковку.

— Хочешь, говорю, я тебе прочту. Он мне читает:

«Тов. Водопьянов допускается к полетам без всякого ограничения».

Самолет готов. Можно лететь. 23 февраля вылетели в санаторий. Пришел к нему. Он говорит:

— Я знаю, что вы приготовили самолет и пошли бы не только в санаторий, но и в Арктику, не согласны ли полететь спасти челюскинцев.

Я говорю:

— Ясно согласен был. (Аплодисменты).

Позвал он секретаршу, которая принесла карту, и Кулаков задал мне вопрос:

— Как вы полетите на такой далекий север?

Я ему рассказал. Он со мной согласился. Все в порядке.

И вот желаемый мною экспериментальный полет был назначен на 25-е.

*) Липецк — родина тов. Водопьянова.

Но 24-25 числа унесло на льдине 400 рыбаков и 120 подвод в Каспийское море. Тов. Ушникот отменил полет и назначил меня вылететь для спасения рыбаков 26-го в 6 часов. Все это происходило в феврале.

Вошло иначе. В 2 часа ночи явился в Кремль. Тов. Куйбышев предлагает мне вылететь к нему 25 февраля в Совнарком в Кремль. Я спрашиваю: — как же я пойду в Совнарком, когда мне нужно ехать спасать рыбаков?

Куйбышев отвечает:

— Оставить рыбаков, там самолетов много — и в Баку, и в Ростове, они могут вылететь раньше вас и спасти рыбаков, а лететь на Север не каждая машина приспособлена!

На другой день, в 12 часов пришел я в Кремль. Тов. Куйбышев меня спросил:

— Обдумали ли вы полет?

Я говорю:

— Обдумал!

Но на меня ему дали аттестацию и «ура» и «спасибо». Он мне сказал:

— Тов. Водопьянов, давайте с вами говорить откровенно, сколько вы имели задержек?

Я говорю: — четыре.

— Нет, правда, так написано — шесть! Но я говорю:

— Это две поминки, а не задержки!

Дальше аттестация написана, что Водопьянов — шло замечательный, но есть недостаток: он без всякого ограничения смел, он сумасшедше смел (аплодисменты). Одно из двух: или он долетит или не долетит. Да ведь это же все — равно, — так ведь иначе, хотя бы и не смелый полетел (смех, аплодисменты).

С тов. Куйбышевым я имел разговор в течение 35 минут. Он меня спрашивал, как же я обдумал этот полет? Я сказал, что очень просто. Хабаровск, Охотск, бухта Нагаева, Якутия, Анадырь, Визарем, лагерь Шмидта.

Но решил отправиться мне лодом из Хабаровска, а до Хабаровска везти самолет на скором поезде.

Приехал я в Хабаровск. Дорнунд и Гальшеву тоже разрешили лететь на Хабаровск по тому же маршруту, который я наметил.

17 марта мы вылетели.

Когда мы прилетели в бухту Нагаева, как и везде, проводились бои, рассказали о полете нашего полета о развитии гражданской авиации. Сидели здесь. Поднялся ветер. Я узнал, что этот ветер называется тайфуном (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

Герой Советского союза тов. ВОДОПЬЯНОВ.

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

Вот, думаю, пока я тут в пурге пролежу, на льдине не оставят ни одного челюскинца. 11 апреля буря

тайфун (это немощное посильное шторм). Тайфун разрушил японский город Хоккайдо.

В конце — концы прилетели в Анадырь (4 апреля). Картина перед нами открылась совершенно другая. Такая картина, какой я в своей жизни никогда еще не видел даже во сне. Кругом было, ни одного черного пятна, ни одного растения, глазу пришлось бы к чему. Там летать тяжело.

Нам на каждом пункте не только встречали горные местные жители и организации, нас еще встречала буря. Как только куда прилетели, так 4-5 дней терпели. Пуржало так, что потом целый день отрывали машины из под снега. В кабинках, в каждой маленькой дырочке наносило столько снега, что потом лопатками выгребали.

Каманни с Молоковым прилетели в Визарем. Мы узнали в Анадыре, что они там чудеса творят: на двух местных самолетов ухитряются по 6 человек возить.

кончилась. Запустили моторы. Стал Галицкий вытаскивать, вдруг остановился — мотор испортился. Как мы ни старались починить — не удалось.

Я полетел один.

Я лично Анадырский хребт перелетел и так перелетел, что на 200 километров дальше Ванкарема улетел (аплодисменты).

На другой день (12 апреля) я с большим трудом нашел этот Ванкарем. Он маленький. Дымка — не злыдя ни шута. Потом дымка рассеялась. Я напел — прилетел. Тут же через 20 минут оставил мотор, высадил механика, выгрузил все части и вылетел в лагерь Шмидта.

(Аплодисменты). Дали мне командный курс 40 градусов и сказали, что на территории ты заметишь черный дым — это и есть лагерь Шмидта.

Я вылетел. И вот этот участок перелета — самый дорогой для меня участок, который я никогда не забуду. Я не замечал, что подо мной горы торосов, что, если мотор остановится, — гибель. Я смотрел вперед скорей бы увидит черный дым. И через двадцать минут полета — дым увидели.

Сел благополучно на аэродром. Челюскинцы обрадовались так же, как и каждому прилетавшему самолету. 12 апреля я съездил 2 раза в лагерь Шмидта и вывез 6 челюскинцев. На 13 апреля осталось 6 человек. Мы анали, что в этом товариществе крае может в любую минуту испортиться погода.

На другой день Каманни, Молоков и я прилетели в лагерь Шмидта. Тов. Каманни принял к себе на борт одного челюскинца и 8 собак. Тов. Молоков потрулил много вещей и двух челюскинцев, а трех — челюскинцев: тов. Борова, любимого моего Крепиткина и второго радиста Иванова.

Товарищи Борова и Крепиткин, попросив меня одолжить последние прощальные круг над лагерем. Я достал им это удовольствие, — сделал и при этом заметил, что они очень грустны, чуть не плачут. Думаю, как тяжело им придется расставаться со своим «городом».

Мы всех вывезли, все заложили — один только Шмидт заболел. Вывезли даже собак, чем чулки были очень довольны. Челюскинцы были рады, они нас качали и чуть не убили нас. В этот же день мы приступили к переезду челюскинцев дальше, в Уэльен. Вылетели мы только влодом с Молоковым (у Каманни не было бензина).

Первую встречу нам закатил ок-

ружной город Уэльен. Все население до одного человека (в количестве 50) вышло нас встречать (смех, аплодисменты). Открыли митинг. Мы их благодарим за встречу. Они приветствовали челюскинцев. Первое мая мы тоже так встречали, но встречали его при 12-градусном морозе, по колени в снегу. Все же, товарищи, на самой отдаленной точке нашего Союза мы встретили праздник по всем правилам. У нас была трибуна с флагами, проходили демонстрации. Но не успевали с трибуны до конца первой фразы приветствия, как уже все малочисленная демонстрация проходила мимо самолета. Пришлось участникам демонстрации пройти мимо трибуны, пока сказали, что нужно (смех, аплодисменты).

Вторая встреча была на Каматке. Там встречали нас на катере, пароходах и даже самолет вылетел (III-3). Но песен там не бросали. Их там не было. Встреча была замечательная. Был митинг, торжественный вечер, банкет.

Встречали нас и во Владивостоке. Полная перемена декораций. Зелень берега, с самолетов бросают цветы, которые попадают прямо на пароход. И так, полыхая к Владивостоку, заходим в бухту. Все пароходы, ледовые, не только вышедшие нам навстречу, но и стоявшие на якорях, дают приветственные гудки.

Во Владивостоке мы были 3 дня. В Хабаровске — 8 часов. Беспокоились на Владивостоке до Москвы 10 суток и имели 160 остановок. Это значит 160 митингов. На каждой станции нас встречали и как встречали!

Мы долетели и вывели челюскинцев только потому, что нам по пути, где бы мы не садились, помогали все организации. Помогали нам они тем самым, помогали спасению челюскинцев. Мы долетели только потому, что мы летели на наших кровных, наших собственных самолетах и моторах, которые мы сами делали на заводах, сами изучали и сами на них летали. (Аплодисменты).

Мы все это сделали потому, что за нами следил вся наша страна, а за нами следили колхозные поля, за нами следили все антияпонские массы, правительственная комиссия, за нами следили сам тов. Сталин (бурные аплодисменты).

Я еще раз приветствую вас от всего летного состава и челюскинцев. Да здравствует наша мощная советская авиация!

Да здравствует наш родной Сталин! (Бурные аплодисменты, крики «ура», «интернационал»).

УДАРНИКИ ЗАКАВКАЗСКОЙ АВИАЦИИ. Сверху вниз: Шапка ЧАННО-ТАДЗЕ, ЩЕДРИН, ХАРЛАМОВ.

СЕГОДНЯ ПУСК АТС

Сегодня в 20 часов вступает в эксплуатацию новая Тифлисская автоматическая телефонная станция. Процесс переключения абонентов со старой центральной станции на АТС будет длиться 1 ч. 30 м. — с 20 час. до 21 час. 30 мин.

Ровно в 20 часов председатель ЦИК ЗСФСР тов. Махарадзе разорвет пусковую ленту и выключит генераторный рубильник АТС. В эту же минуту перестанут работать старая центральная станция. Начнется постепенное переключение абонентов на сеть АТС по мере выключения их на центральной станции.

В 21 ч. 30 м. абоненты должны аккуратно срезать у аппаратов пломбы и, прежде чем набирать какой-нибудь номер абонента, должны еще раз проверить себя, знают ли они правила пользования автоматическим телефоном.

Правила, как пользоваться аппаратом, напечатаны в абонентной книжке, продающейся во всех газетных киосках.

Ускорить стройку станций

В Гиндзи строится дизельная электростанция, мощностью в 5.800 лошадиных сил.

Один дизель в 2400 л.с. был уже получен и сейчас находится на площадке строительства.

Строится электростанция имеет огромное значение для промышленности Гиндзи. Однако, Завнегро не уделяет ей должного внимания.

Недостаток строительных материалов, — цемента, леса и др., тормозит строительство и не позволяет приступить к монтажу дизеля.

Действующая в Гиндзи электростанция Зургэс и Гиндзэ, общей мощностью в 4.770 квт, не могут полностью покрыть потребности промышленности и города в электроэнергии. Особенно остро чувствуется недостаток в электростанции в зимний период, когда мощность Зургэса снижается до 600 квт, вместо обычных 2.700.

НКТП Закавказья и АССР должны обеспечить строительство Гиндзиской электростанции строительными материалами и принять все меры к тому, чтобы оно было закончено в срок.

А. САРКИСОВ.

Изменился облик Багдади

(от НАШЕГО БАГДАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА).

В зеленых просторах садов и виноградников приоткрылся один из самых живописных уголков Завкавказья — Багдади